

Уран-Тайчи**ЗВЕРИНАЯ КОМЕДИЯ**

(Трагедия)

Перевод с казахского Александра Межирова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Чингисхан.**Джучи** – сын Чингисхана от Борте-ханум.**Чагатай** – сын Чингисхана от Борте-ханум.**Угедей** – сын Чингисхана от Борте-ханум.**Туле** – сын Чингисхана от Борте-ханум.**Борте-ханум** – жена Чингисхана из племени коунрад.**Есуй-ханум** – жена Чингисхана из племени татар.**Ибага-бэхи-ханум** – жена Чингисхана из племени керей.**Кулан-ханум** – жена Чингисхана из племени меркит.**Бектумыш** – жена Джучи из племени керей.**Кетбугы-жырау** – народный певец.**Джамуха** – друг Чингисхана в юности.**Мунлик-атай** – друг отца Чингисхана.**Субэдэй** – ноян из племени урианхай.**Кублай** – ноян из племени барулас.**Зилмая** – ноян из племени урианхай.**Джебе** – ноян из племени басуд.**Борчи** – ноян из племени арулад.**Мукулай** – ноян из племени жалаир.**Хорчи** – ноян из племени баарин.**Джурчидай** – ноян из племени урууд.**Чигикудук** – ноян из племени татар.**Боракул** – ноян из племени джуркун.**Кучи** – ноян из племени меркит.**Кокучи** – ноян из племени тайчиутов.**Ная** – ноян, выходец из народа.**Татанунга** – хранитель печати Чингисхана из племени уйгур.

Часовые, гонец, три безымянных батыра, народ.

Действие происходит в первой половине
XIII века.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КАРТИНА ПЕРВАЯ

*Белая Орда у предгорий Хангархана.
По левую руку от властелина восседают
нояны, одетые в лучшие платья,
и две жены Чингисхана.
Зорко следят за каждым движением
окружающих часовые с саблями наголо.
Грозно развеивается ханский стяг – белый
тум из хвостов девяти яловых кобылиц.
Властелин не в духе: похоже, ему наскучили
игры на золотом троне.
Как бы веющая миру о грядущих
потрясениях, то стонет, то заходится
от рыданий кобыз Кетбугы-жырау.*

Чингисхан (*вздымая правую руку*).
Жа! Это я – ты слышишь, мой певец? –
Народом сделал горсточки монголов,
Соединил в один железный слиток
И закалил в сраженьях племена!
Когда земля для нас была с овчинку,
А реки, что не знают берегов,
Еще едва сочились от истока –
Я повстречал тебя и сделал другом.
В лицо швыряя тяжкие слова,
Не ты ли пел о безысходной доле
Разрозненных и немощных родов?
Мои стремленья поддержало Небо,
Благое дело стало смыслом жизни,
Но ты, певец, не оценил доньше
Содеянного мною: ненавижу
Бесстрастное, как изваянье в камне,
Твое невозмутимое лицо!
...Привиделся на зорьке страшный сон,
Так растолкуй увиденное мною.
Ты волен говорить начистоту.
Да будет это помощью последней,
Твоей последней помощью, певец!

Кетбугы-жырау (*уклончиво*).
Не бойся, хан, не поддавайся страху:
Сон – только тень
Быстротекущей жизни.

Чингисхан.
Нет, нет!.. Я был растерзан, точно небо,
В котором сшиблись молнии.
С востока
Взошла Луна. И загорелось Солнце
Со стороны заката.
Оэлуи,
Родившая меня, – рыдала громко
И орошала выжженную землю
Сладчайшим материнским молоком.
Степной конек – кулан наполовину –
Закусан был породистым конем!
В моей орде надменно восседали
Чужие люди на местах почетных.
Хвостом кобыльим,
Вырванным из туга,
Меня связали намертво пришельцы –
Лицо мое горело от стыда,
Мой позвоночник сломан был позором,
И все во мне кипело оттого,
Что я не в силах пред лицом народа
Прикрыть свою поруганную честь!
Не скрытничай, поведай, прозорливый,
Как понимать невыносимый сон?

Кетбугы-жырау.
Постигнуть суть
Рассветных сновидений
Возможно только в старости, когда
Ослабнет сила, сгинет красота
И ты отдашь измученную душу,
Чтобы улечься до скончанья мира
Там, где лежать назначено тебе.
Не бойся, хан, не поддавайся страху!

Чингисхан.
Скажи, абыз, что означает сон?

Кетбугы-жырау.
Растерзан был, как небо грозовое?
Выходит, хан, судьба твоя такая.
Взошла с востока белая Луна?
Выходит, век твой клонится к закату.
На западе твое всходило Солнце?
Выходит, время обошло тебя.
Захлебывалась собственным рыданьем
Мать Оэлуи?

Наверное, худыми
 Наследниками станут сыновья.
 Не бойся, хан, не поддавайся страху!

Чингисхан.

Отгадывай, отгадывай, певец!

Кетбугы-жырау.

Закусан был невзрачный твой конек
 Породистым конем?
 И восседали
 В твоей Орде неведомые люди,
 Усевшись на почетные места?
 И намертво тебе связали руки,
 Стянули ноги долгим бело-серым
 Хвостом кобыльим,
 Вырванным из туга?
 Хитры, выходит, у тебя враги.
 Не бойся, хан, не поддавайся страху!

Чингисхан.

Я слушаю, отгадывай, абыз.

Кетбугы-жырау.

Лицо твое горело от стыда?
 Твой позвоночник
 Сломан был позором?
 И если все в тебе негодовало,
 Что нету сил перед лицом народа
 Спасти, прикрыть поруганную честь, –
 Выходит, неминуемая беда
 Уже пришла и распростерла крылья.
 Не бойся, хан, не поддавайся страху!

Чингисхан.

Что дальше?

Кетбугы-жырау.

Если закатилось счастье,
 Знай – доля перешла в чужие руки!
 Знай, если беды распростерли крылья, –
 В небытие твоя уходит слава.
 И, стало быть, пришел тебе конец!

Чингисхан.

Молчи, коварный!
 Видно, кличешь горе?

Да поразит тебя мое проклятье!
 Пусть навсегда глаза твои ослепнут
 И бед моих не видят!.. Часовой!
(Стража хватает Кетбугы-жырау, Чингисхан указывает перстом вниз.)
 Заройте душу: ослепить абыза!
 Не мучайте! Не проливайте кровь!
(Часовые огнем выжигают певцу глаза. В Белую Орду, вздымая черные тучи, одновременно въезжают четыре группы всадников.)

Субэдей.

Мой властелин!
 Разбиты напрочь девять
 Туменей злонамеренных татар!
(Чингисхан удовлетворенно кивает.)

Кублай.

Мой повелитель! Дерзкие джуркуны –
 Все семь туменей – плавают в крови!
(Чингисхан удовлетворенно кивает.)

Зилмая *(склоняясь перед ханом).*

Мой властелин!
 На Селенге меркиты
 Признали нашу власть!
(Чингисхан удовлетворенно кивает.)

Джебе.

Мой повелитель!
 Отныне побежденными себя
 Считают тайчиуты и басуды.

Чингисхан *(снимает пояс, вешает на шею бусы, поднимает руки).*

Я говорил вам: «Головы рубите
 Всем, кто стремится
 Властвовать над нами!»
 Исполнили мое предназначенье.
 Владыка Неба укрепил меня,
 И Мать-Земля была тому порукой!
(Сходит с трона, ласкает сыновей и ноянов.)

Кто вас растил и пестовал? Не я ли?
 Вы топали – был вашими ногами,
 Вы падали – был посохом упругим,

Был в гололед железною подковой,
 Защитой был в несчастьи любом!
 Когда в лесах охотиться случалось,
 Обкладывали яростного зверя,
 Когда в горах охотился, бывало, –
 Зверье ущелий гнали на меня,
 И невода переполняли рыбой,
 Когда Чингис рыбачил на реке.
 Все, что живет в степи, –
 Любую живность –
 Неутомимо гнали мне навстречу.
 Но всякий раз в сражении кровавом
 Любой из вас рубился впереди!
 Врагов разили. Вражых скакунов
 Дарили мне, подкладывали пленниц
 В мою постель – создателю хвала!
 ...Простую мысль
 Я вынянчил в скитаньях:
 Умей беречь надежного коня.
 Падет в степи породистый скакун –
 На всей Земле не отыскать спасенья!
 Не забывайте: это – дело чести!
 Лихачество в походе – тяжкий грех.
 Коня не оставляйте без заботы
 Да после долгой скачки снять узду
 Не забывайте и – умерить шаг.
 Кто станет свято выполнять закон,
 Тот никогда не встретится с бедою.
 А кто рискнет нарушить мой наказ,
 Кто скакуна не сбережет, тому –
 Будь он ноян или безвестный воин –
 Снять голову бессмысленную с плеч!
 Да позабудут лихачи зазнайство.
 Пусть каждый воин будет прямодушен.
 Хотя б ему грозили пытки ада!
 Будь искренним
 И честным будь, хотя бы
 В раю с почетом приняли тебя!
 Когда прибавить сможем к божьей силе
 Всю мощь каленых пик, мечей и стрел,
 А недругов завлечь сумеем в сети –
 Тогда явите доблесть, багатуры,
 И раздавите злобного врага!
 (Подходит к Джебе, кладет руки на плечи
 нояна.)

Джебе! Ты чужаков косил рядами
 В сражении жестком на Хайтене.

Мне своего саврасого коня
 Пришлось подставить под твою стрелу,
 Но опустел колчан, и ты, Джебе,
 Внезапно был Зилмаем и Кублаем
 Пленен и связан.
 Ярость и вражду
 Ты не скрывал, а выражал открыто,
 Но я за это не убил тебя.
 Напротив, я приблизил багатура.
 Ты оправдал надежды, мой Джебе:
 За десять лет сражений непрерывных
 Урвал неисчислимую добычу...
 «За веру – вера, за любовь – любовь».
 Тебе перед походом на басудов
 На выучку отдал меньшого сына,
 Тем прировняв тебя к высокородным.
 ...Пока мальчонке нет еще пяти,
 Он должен почитаться, точно хан,
 А после должно крепкою рукою
 Держать и верно направлять дитя.
 Туле ступал по снегу, по воде?
 Смог закалить свое дыханье в стужу?
 Чему его ты выучил, Джебе?

Джебе (по-волчьи выгнув шею).

Мой повелитель!
 В битве у Хойтены
 С горы высокой я разил врагов.
 Ты под стрелу мою тогда подставил
 Любимого саврасого коня.
 До сей поры не верю, что в живых
 Остался ты: моя стрела впервые
 Не поразила избранную цель!
 И в первый раз тогда, мой повелитель,
 Я голову склонил перед врагом.
 Для моего беспомощного тела
 Достало бы, наверное, могилы
 Размером с невеликую овчинку,
 Но ты меня не умертвил, Чингис.
 Я, малорослый, мог ли помышлять,
 Что до таких высот твоей рукою
 Возвышен буду?
 За тебя, великий,
 И жизнь отдам, поскольку пред тобой
 Предстал тогда почти что мертвецом.
 Понадобится – надвое каменья
 Перерублю, велишь – согласен воду

Цедить сквозь сито слабого ума.
 Джебe доверив воспитанье сына,
 Ты прировнял меня к высокородным.
 Сказал: «Отныне станет сын меньшей
 Твоим рабом: от своего порога
 Не отпускай его, а если сын
 Не станет настоящим багатуром,
 То перережь мальчишке сухожилья».
 Но был Туле безжалостен к врагам.
 Ночами рыскал, точно серый волк,
 Во дни скорбей кружил,
 Как черный ворон.
 Не отставал во дни перекочевок,
 Остановившись, не менял стоянки,
 И, различая звук неразличимый,
 Угадывал, куда летит стрела.
 Еще скажу о лучнике Туле:
 Его стрелы должно страшиться Небо!
 Яви, смельчак, умение и силу
 И счастье попытай!
*(Туле выдергивает стрелу из колчана,
 стреляет, и – золотое яблоко Белой Орды
 падает к ногам хана.)*

Чингисхан.

Хвалю, Джебe!
 Горжусь тобой, Туле!
(Вглядывается в лицо Зилмаи.)
 А ты, Зилмая,
 Когда-то был бесправен и унижен.
 Как ты мотался поперек седла,
 Как на спине кровоточили язвы!
 Не я ли врачевал твои болячки?
 Когда с губы твоей текла слюна
 От голода жестокого, Зилмая,
 И ты кормился горечью полыни,
 Не я ли жиром почечным, сладчайшим
 Тебя кормил?
 Да что свои заботы
 Мне вспоминать...
 В походе на меркитов
 Сын Угедей и на вороний шаг
 Не отставал от моего коня,
 Не смел на пядь опередить отца,
 Не отходил на локоть от стоянки.
 Тебе в ученье отдал Угедея,
 Тем прировняв тебя к высокородным.

Познал мой отпрыск тяготы походов?
 Смог испытать лишения ратной жизни?
 Чему еще ты выучил его?

Зилмая *(с достоинством)*.

Благодарю за добрые слова,
 Мой властелин!
 Любимца – Угедея –
 Ты отдал мне в учение и, значит,
 Вознес мои заслуги высоко.
 Сказал перед походом на меркитов:
 «Привяжешь сына к своему порогу.
 Ослушается – выдерни язык».
 Чтоб Угедея уберечь от сглаза,
 Я укрывал его от чужаков
 И очищал дымящею арчой,
 Как нам издревле завещали предки.
 На Селенге, в походе, у меркитов
 Прошел он испытание на зрелость:
 Мужчиной стал.
 И уберег язык,
 Поскольку не ослушался ни разу.
 Пусть вырос в неге, все же, возмужав,
 Стал багатуром Угедей, и в юрте
 Он прятаться не станет
 В час сраженья –
 Помчит навстречу недругу любому,
 Возникнет смертью на его пути.
 Мой повелитель!
 Гордостью твоей
 С годами станет сын высокородный:
 У ног твоих валяться суждено
 Врагам твоим, покуда Угедей
 Живет под Солнцем!

Чингисхан.

Вот они, слова,
 Которых я и ожидал, Зилмая!
*(Угедей неподвижен, Чингисхан обращает
 ся к Кублаю.)*
 О, багатур мой, найденный когда-то
 У баруласов, ты пришел ко мне,
 Тогда еще неизвестному, и вскоре
 Враги склонились предо мной покорно,
 Своим признала дальняя родня.
 Как перечислю все твои заслуги?!
 Тебе перед походом на джуркунов

Доверил я задиристого сына,
 Чтоб Чагатай, как твой оруженосец,
 В сраженьях стал
 Бесстрашной и мудрей.
 Есть поговорка: «Вещь отыщет цену,
 А сколько ни растягивай овчину –
 Она вернет размер, и должен хан
 Величием соответствовать народу».
 Отбросил ли задира Чагатай
 Свою горячность?
 Отыскал ли мудрость?

Кублай *(по-кабаны выгнув шею).*
 Мой властелин! Задиру Чагатая,
 Когда пошли походом на джуркунов,
 Ты мне доверил, думая о том,
 Каким он станет, сын высокородный.
 Сказал: «Пускай твой золотой порог
 Мой Чагатай перешагнет, а если
 Ослушается – оторви башку».
 ...Пот, мучивший с восхода до заката,
 Он выжимал в ночи.
 Томился жаждой –
 Пил на скаку, узды не выпуская.
 Гнал жеребца по вздыбленным камням,
 Учился льды одолевать, и ныне –
 Стал Чагатай роднею льду и камню!
 Коню всегда мешает долгий хвост,
 А юноше – излишняя опека.
 Конь присмирел – ни гривы, ни хвоста:
 Роскошный хвост узлом затянут туго,
 Чтоб не хлестал в дороге седока.
 ...Кто появлялся на его пути,
 Тех Чагатай валил одним ударом.
 Чернейший туг он чистил на скаку
 И вновь вздымал, джуркунов устрашая.
 Мой повелитель, если Чагатай
 И впрямь утратит
 Дерзость и горячность,
 Как стать ему бесстрашной и мудрей?

Чингисхан *(обнимая Кублая).*
 О, мой Кублай, любые ожиданья
 Ты превзошел: мечом моим отныне
 Стал Чагатай, воспитанный тобой.
(Похлопывает по спине обрадованного Чагатая. Подходит к Субэдею.)

С тобой, урианхаец Субэдей,
 Сдружились мы еще во времена,
 Когда гордился я своей железной,
 Прочнейшей,
 Цельнокроенной кольчугой.
 Да, ты Чингиса поразил при встрече:
 Тебя могучий, древний карагач
 Не смог укрыть от ветра и ненастья,
 И туша пятилетнего быка
 Тебя, обжору, не смогла насытить!
 Признаюсь: испугался поначалу
 И, помнится, едва собрался с духом,
 Но ты цветущей жизнью дорожа,
 Доверил мне судьбу свою и волю.
 Урианхаец, крепко держишь слово!
 Ты стал моей пожизненной опорой.
 Не перечислить все твои заслуги –
 Бесчисленное разве перечтешь?
 Тебе доверил первенца Джучи,
 Джучи, который стержнем золотым
 Был в поясе моем, шерстинкой лучшей
 В моей бобровой драгоценной шубе.
 Так что же, Субэдей, достоин сын
 Любви и восхваления? И всех ли
 Он превзошел,
 Чтоб первым стать по праву?

Субэдей *(ощерясь по-тигриному).*
 Мой властелин!
 Ты, как Владыка Неба,
 Меня хранил в походе на татар,
 Сказал: «Да будет первенец покорным.
 Да будет при тебе и днем и ночью.
 Пойми, в чем суть его.
 Следи за каждым
 Движеньем тела и движеньем мысли.
 Ослушается – голову долой!»
 Кому я поклоняюсь, кроме Неба?
 Тебе, мой повелитель!
 Верь устам,
 До сей поры не оскверненным ложью:
 Хоть долго жил
 Среди людей, но прежде
 Я не встречал такого, как Джучи!
 Суровый вид и громкие дела
 Джучи высокородного – всю степь
 Повергли в трепет.

У твоих врагов
 Полопались от страха селезенки.
 ...Приветлив, ровен,
 Вдумчив, молчалив.
 Но – гнев небес,
 Считаю, сошел на землю,
 Когда Джучи охватывает ярость!
 Верь Субэдею, властелин: пока
 Есть у тебя Джучи несокрушимый –
 Незыблем трон.
 И власть над всей вселенной
 Хоть завтра будет у тебя в руках!

Чагатай (*раздраженно, обращаясь к Куб-лаю*).
 Что это брешет старый волкодав?

Субэдей.
 Мой властелин, я обошел весь свет,
 Но отродясь не видывал такого:
 Ойраты, буриады, урсууды,
 Тува, хансос, киргиз-кипчаки, барги,
 Свои усилья сливши воедино,
 Не одолели твоего Джучи!

Чагатай (*вновь перебивает Субэдея, принимает боевую стойку, как бы готовясь напасть на Джучи*).
 Что это за тулпар, способный птиц
 Ловить зубами прямо на лету?
 Сейчас спущу жеребчику подпругу!

Джучи (*готовясь отразить нападение*).
 Довольно!

Субэдей (*вставая между братьями*).
 Хладнокровней, багатуры!
 (*Чагатаю, с неприязнью*).
 Но если ты не внемлешь
 Слову дружбы,
 Я преподам тебе сейчас урок...
 (*Чагатай обнажает саблю*).

Кублай (*заслоняя Чагатая*).
 Коснешься пальцем ханского дитяти –
 Вмиг приторочу к своему седлу
 Твою башку!

Субэдей (*вздымая щит*).
 Ах ты, кабан вонючий,
 Посмотрим, чья башка слетит скорей!
 (*Подле Чагатая встают Зилмая, Угедей, Джебе, Туле, Кублай, Боракул, Кучи и Кокучи; сторону Джучи и Субэдея принимает Чигикудук*).

Чингисхан (*самодовольно усаживается на трон*).

Жа! Пусть дерутся: выберу того,
 Кто в поединке превзойдет других
 И разумом и воинской сноровкой.
 Четыре сына! Вы – мои столпы:
 На вас лежат четыре края света.
 Явите разум, силу и проворство –
 Сейчас узнаем, кто достойней всех!
 (*Чагатай, Угедей и Туле нападают на старшего брата, который стоит с пикой в руках. Борте-ханум с воплем бросается к сыновьям*).

Борте-ханум (*причитая*).
 Мой повелитель, о, предотврати
 Кровопролитье!
 Это ли не дикость?
 Какую ты еще придумал муку?!

Чингисхан.
 Жа! Прочь отсюда!
 Жребий твой – казан.
 Сражайтесь, сыновья!
 (*Джучи пронзает пикой Чагатая, щитом опрокидывает Туле, ухватив за ворот, сбивает с ног и душил Угедея. Борте-ханум виснет на руке старшего сына*).

Борте-ханум.
 Что с вами случилось?!
 О, вы, чья доля колесить по свету,
 Считаю другом собственную тень, –
 Неужто вас совсем оставил разум?
 (*Джучи отпускает Угедея. Борте-ханум стоит в растерянности, не зная, кого из сыновей защищать*).
 Да разве вы способны стать людьми,
 Когда любой походит на отца,

А ваш родитель сызмалу жестокость
 Носил в душе: однажды лишь за то,
 Что отнял птицу брат девятилетний,
 Он, жалости не ведая, убил
 Бектура – брата своего меньшого!
 Он, некогда родившийся с кинжалом,
 Кровь человечесю льет неутомимо,
 Людскими умывается слезами,
 И смотрит даже на своих детей,
 Что ворон,
 Истомленный жаждой крови!
 Неужто жить не можете без драки?
 Неужто буду до скончанья дней
 Выть, как волчица, к логову которой
 Подходит кровожадная потрава?!

Чингисхан *(сходит с трона).*

Жа!

Есуй-ханум *(себе, на шаг выступая из толпы).*

Вот, Есуй-ханум, твоя минута!
 Воздай сполна надменному Джучи,
 Который отнял у тебя покой,
 Испепелив твои былые чувства!
 Вот миг,
 Когда столкнуть возможно лбами
 Отца и сына, отомстив тому,
 Кто сердце сжег, заполнив пустоту
 Тоской и желчью!

(Ластится к Чингисхану.)

Повелитель мой!

А станут ли повиноваться люди,
 Когда померкнет ханское сиянье?
 И если пошатнется ненароком
 Столп твоего незыблемого тела,
 Не вырубят ли недруги народ?
 Позволит ли окрепнуть сыновьям,
 Покуда не имеющим потомства,
 Безжалостный и мстительный Джучи?

Чингисхан.

Жа! Кобылица яловая, брось,
 Не заливайся соловьем! Всю сладость
 Мгновения, подсыпав долю перца,
 Ты отравила...

(Обнимает старшего сына.)

Молодец, Джучи!
 Порадовал меня.
 Известно, сила
 Не признает и самого отца.
(Отвернувшись, себе)
 А я не разумел, какой козел
 Боднул меня?
 Выходит, это он
 Спихнуть меня готовился – скотина
 С раздвоенным копытом, порожденье
 Меркита Дай-сэчена!
 В этих жилах
 Струится кровь неистовых кунградцев.
(Подходит к Борте-ханум.)
 Теперь раскрылись у меня глаза:
 Чужой щенок!
 Напрасно столько лет
 Терзался размышленьями пустыми.
 Сегодня, подозрением укушен,
 Все понял вдруг!
 Вот, значит, что веселью
 Мешало днем, а ночью грызло душу...

Татанунга *(заискивающему перед ним Чагатаю).*

Не притворяйся! Ты еще не труп.
 Вставай!
 Я видел: доблестный Джучи
 Пронзил тебе не сердце, а предплечье.

(Чагатай лежит неподвижно.)

(перегнувшись в поклоне).

Мой повелитель!
 Острое железо
 Вонзилось в плоть, и следует немедля,
 Пока еще не затвердела кровь,
 Чтоб твоего поверженного сына
 Перешагнула женщина, подол
 Ничем не осквернившая доселе.
(Делает вид, что поддерживает раненого.
Чингисхан идет к трону.)

Борте-ханум *(отступая, себе).*

Как объяснить
 Внезапную враждебность
 И злобу хана?

Чингисхан *(опустившись на трон).*

Мой Чигикудук!

Мой Боракул, Кучи и Кокучи!

Вы – уши, что ночами слышат даже

Легчайший шорох, вы – мои глаза,

Что видят все!

Говаривали предки:

«Кто равнодушен, у того дитя

Слепым родится».

Я затеял схватку,

И я не отвернусь от Чагатая.

Высокородных девушек и жен

Позвать сюда!

(Нояны тут же приводят девушек с одной косой, жен с двумя косами и малых детей хана.)

Запомните слова,

Которые я ныне изреку.

...Тем женам и невестам, чей подол

Изменой осквернен, –

Сам взрежу чрево!

У женщины достойной быть должно

Три мужа.

Первый – это отчий край,

Страна отцов.

Честь женщины и совесть –

Вот муж второй.

Муж третий и последний –

Тот, кто решил назвать ее женой.

Кто чист и честен, выходи вперед!

(Никто не решается сделать шаг. Чингисхан темнеет от гнева.)

О, сучки, неужели всех подряд

Порезать вас, как режет волк отару?!

(Обращается к младшей жене.)

Кулан-ханум, пришедшая вчера, –

Я, только я гостил в твоей постели.

Ты стала драгоценною добычей

Нояна Ная и была три ночи

В его объятьях.

Не твое ли тело очистил я от скверны?

Стало быть,

И ты – змея, скрывающая ноги?

Кулан-ханум *(тихо, спокойно).*

Не сомневайся, повелитель мой!

Нет ничего греховного во мне...

Чингисхан *(показывая на Чагатая).*

Тогда переступи через него!

Кулан-ханум.

Боюсь прогневать Небо!

Только телом,

Но не душой принадлежу тебе:

Даир-усуна – моего отца –

Ты умертвил. И на моих глазах

От рук твоих нашли погибель братья –

Все пять столпов исчезнувшего рода!

Оплакивая братьев и отца,

Я, верно, обезумела, великий.

Да, жизнь моя, она в твоих руках,

Душа моя – принадлежит нояну!

Чингисхан *(обращаясь к Чигикудуку).*

Что ж, на душу прими еще одно

Злосчастье!

Привести нояна Ная!

(Чигикудук вырывает Ная из толпы.)

Убей нояна: пусть ее надежда

Умрет!

(Субэдей, Джебе, Зилмая и Кублай, ощерившись по-волчьи, идут на нояна.)

Кулан-ханум *(кричит, обращаясь к Наю).*

Тебя до крайности последней

Жалела я, но кто Кулан-ханум

Жалеет?!

Да хранит теперь нояна

Владыка Неба.

Повелитель-хан,

Дай слово молвить!

Чингисхан.

Молви слово, если

Есть, что поведать.

Кулан-ханум.

Кровожадный взгляд

Брось на меня!

Да будет счастья полон

Твой век, да будет непрестанным горем

Вся жизнь моя, да станет жизнь нояна

Потусторонней!

Чем служить страданьем
 Для глаз моих, пусть Ная лучше смерть
 Найдет от рук моих!
 Отдай мне жертву!
(Вырывает нож из ножен Чигикудука.)

Чингисхан.

Бери, она твоя!
*(Дрожь от возбуждения, Кулан-ханум
 вонзает нож в сердце нояна – Ная, падает
 с распахнутыми объятьями. Чингисхан
 глядит на Ибага-бэхи-ханум.)*

А ты, жена?
*(Ибага-бэхи, не смея выйти, пугливо ози-
 рается на Джурчидая, однако ноян, чтобы
 не прогневать хана, глядит под ноги. Есу-
 ханум прячется среди людей. Из толпы
 выходит Бектумыш.)*

Бектумыш.

Быть может, мне, мой повелитель-хан,
 Перешагнуть дозволишь?

Чингисхан.

Кто такая!

Бектумыш.

Невестка ваша – Бектумыш –
 Супруга Джучи.

Чингисхан *(меняясь в лице).*

Перешагни, переступи...
*(Бектумыш перешагивает через Чагатая,
 и тот оживает.)*

Татанунга *(обрадованно).*

Мой повелитель!
 Наконечник пики
 Покинул рану!

Чингисхан *(глядя на проходящую перед
 ним Бектумыш, себе).*

Да, на удивленье,
 На удивленье справедлива жизнь,
 Навек соединившая достойных!
*(Сходит с трона. Указывает на раненого
 сына.)*

Убрать! Лечите рану Чагатая!
(Обращаясь к старшему сыну.)
 Всю зиму отдыхай, а по весне
 Отправитесь с нояном Субэдеем,
 Чтоб завладеть землей лесных людей!
(Обращается к Зилмае, Кублаю и Угедю.)
 Есть правило: того, кто при мече,
 Держи подальше.
 Вы, втроем, пойдете
 На сторону китайскую.
(Обращаясь к Джебе и Туле.)
 Туле!
 Есть правило: того, кто держит лук,
 Не удаляй.
 Останетесь со мною –
 Поедем вместе разбивать тангутов.
(Поспешно входит часовой.)

Часовой.

Дозволь сказать, мой повелитель-хан...

Чингисхан.

Я слушаю.

Часовой.

Три грозных багатура
 Доставили плененного Джамуху.

Чингисхан.

Пусть входят.
*(Три незнакомца вводят Джамуху со свя-
 занными руками.)*
 Ну-ка, развяжите руки!
 Джамуха, друг мой, что это за люди?
 Как золотую голову твою
 Отважились они считать медяшкой,
 Направив пики властелину в грудь?
(Вглядывается в лица багатуров.)

Джамуха *(с облегчением).*

Мой давний друг!
 Гусь побежден лысухой,
 Атаковали кобчика вороны –
 Поднялся обезумевший народ
 На властелина.
 В память старой дружбы,
 Не откажи в поддержке, Тэмуджин!

Чингисхан (своим ноянам).

Убейте их – рабов, дерзнувших руку

Поднять на хана своего!

(Нояны тут же убивают неизвестных.)

Джамуха (обнимаясь с Чингисханом).

Здоров ли,

Мой повелитель?

Чингисхан.

Хитростей, уловок

Довольно было у тебя в запасе,

Но не было намерений дурных.

Теперь, когда близка к закату жизнь,

Быть может, прекратим с тобой вражду?

Объединимся.

Изредка, ночами,

Проснувшись,

Станем вспоминать былое...

(Направляется к трону, приглашает Джамуху сесть рядом.)

Джамухе место с правой стороны.

Джамуха (проходя мимо Субэдея, Кублая, Зилмаи и Джебе, себе).

Вот хищники – четыре злобных волка!

Лоб у любого – кован из железа,

Язык подобен острому мечу,

Они, похоже, вышли из утробы

Стальной, намереваясь род людской

Свести на нет!

(Обращаясь к ноянам.)

Здоровья вам, нояны

Джебе, Кублай, Зилмая, Субэдей!

Меня вы напугали не на шутку:

Чуть не переселился в мир теней.

Здоровья вам, седлающим бураны,

Жующим на скаку сырое мясо

И силы подкрепляющим слюной!

Нояны.

Здоровым будь!

Джамуха.

А хорошо ли вам

Живется тут, четыре волкодава?

Крепки ли ваши цепи?

Кублай (устремляясь к Джамухе).

Смолкни!

Чингисхан.

Жа!

(Усаживает Джамуху справа, садится на трон.)

Джамуха-друг, хотя служил ты верно,

Я все же создал для тебя угрозу,

Помыслив о предательстве твоём.

Но, даже встав на скользкую тропу,

Ты оставался самым близким другом:

Когда мы задыхались в грозной сече

От смрада крови, от нещадной пыли –

Ты рядом был.

И я прошу теперь:

Давай забудем старые обиды,

Чтоб кочевать, как в юности далекой,

Плечом к плечу!

Джамуха.

Все верно, Тэмуджин!

Хоть я пошел другой тропой, и много

На совести моей бесплодных дел,

И даже дел враждебных – все равно

Тебя любил, тобой гордился, ибо

В душе моей ты оставался другом.

Когда сходились в ратном поединке

Лицом к лицу, я отыскать пороки

В тебе спешил, поскольку был врагом...

Чингисхан.

Опомнись, друг Джамуха, что с тобой?

Когда я жил в походах непрерывных,

Сражался в Харханзанде, в Элээти,

Ходил войной на гордых керейтов,

Но не сумел до времени постичь

Коварных планов хана Тоорила, –

Ты оказал мне истинную помощь!

Что мне перечислять твои заслуги?

...В жестокой схватке

Не на жизнь, а на смерть

Род моего отца сошелся с родом

Врагов извечных – яростных найманов.

Не ты ли нам помог в словесной битве

Взять верх?

Твои находчивость и разум

В конце концов принудили врагов
Склониться перед нами!
...Много лет
Вражды нас разделяют,
Но, Джамуха,
Я не забыл о помощи былой.

Джамуха.

Нет, Тэмуджин моей не понял мысли,
Поскольку мысль была
Ему враждебной.
В далеком детстве на земле Джубур
Я совершил неверный шаг, когда,
Возжаждав уваженья твоего,
С почтеньем протянул тебе ладонь.
Потом, постигнув смысл
Твоих стремлений,
Я просто делал вид, что наша дружба
Еще жива: с тобой за дастарханом
Сидел, а мясо застревало в горле,
Произносил учтивые слова,
Хотя от этих слов меня тошнило.
Мы спали рядом, помнишь, одеяло
Одно нас укрывало по ночам?
Но сердце было от тебя далеко!
Так Тэмуджин во мне обрел врага...

Чингисхан.

Теперь, Джамуха, говори открыто:
Твои слова нам обещают дружбу
Или пророчат новые сраженья?

Джамуха.

Я говорю о дружбе, Тэмуджин!
Овца пестра, но клок любого цвета
Принадлежит овце: ее негоже
Стричь по частям.
По правде говоря,
Мои слова о том, что ты – отступник:
Великие обычаи отцов
Ты растоптал, народы унижая,
А чаще – вырубая на корню.
Кровь проливал,
Не думая о том,
Что жизнь – тебе и всем –
Дана однажды!
Людская кровь, она у всех красна,

Но ты, мой друг, не думал почему-то,
Что ненавистью жгучею к тебе
Вскипит однажды эта кровь людская!
Едва прибрал к рукам свои тумены –
Пошел теснить и разорять соседей.
Едва на трон взошел –
Над всей Вселенной
Возжаждал власти.
Перестал с людьми советоваться.
Вырезал монголам
Язык, потом принудил племена
Склониться и, пустив потоком кровь,
Вернул народу все его несчастья!

Чингисхан.

Выходит, ты опередил меня,
Задумавшись об участии народной?
Но думал ты, Джамуха, слишком узко,
И коротки, как хвост кобылий, мысли
Твои, Джамуха.
Было бы грешно
Перед бывлым не преклонять колени,
Но разве до сознания глупцов,
Дошли заветы досточтимых предков?
Напомню притчу: некогда драконы,
Подобно нам, росли и крепи рядом –
Один дракон о тысяче голов,
Но однохвостый, а другой, напротив, –
Тысячехвостый, но одноголовый.
Тысячеглавый власть над головами
Препоручил хвосту.
Тысячехвостый –
Все подчинил единой голове.
Легко текли безоблачные дни.
Но – взвыл буран!
И тысяча голов
Дала дракону тысячи советов,
Поскольку главы не были едины –
Дракон тысячеглавый околел.
Так что же не напомнил о народе
Над головами властвующий хвост?
Но, покоряясь мудрой голове,
Вся тысяча хвостов ушла в нору,
И уцелел дракон тысячехвостый!
...Я подчинил монголов, чтоб народ
Мудрее стал.
Укоротил язык,

Дабы народ монгольский
Сделать грозным!
Опять хочу сказать тебе, Джамуха:
Давай забудем старую вражду,
Давай дружить, как в юности былой,
И кочевать, как добрые соседи!

Джамуха.

Задумался я рано, только мысли
Мои, гляжу, ушли недалеко,
И не судьба, а горькая судьбина
Моим уделом стала, Тэмуджин.
Я побежден тобой – любимым сыном
Судьбы.
Теперь – я никому не нужен.
Какая польза, если дольше жить
Останусь в мире?
Жизнь моя подобна
Увиденному сну, делам бесцветным
Бесцветных дней.
Оставшись на земле,
Я огорчу тебя еще не раз –
Мои деянья острою колючкой
В тебя вонзятся!
Слушай, Тэмуджин:
Джамуха, встав на ложную тропу,
Доверясь черным чувствам и наветам,
Лишился друга славного, чье имя
Гремит сегодня из конца в конец.
Куда бы ты ни глянул – все твое!
Есть у тебя четыре грозных сына.
Вблизи с твоею непомерной славой,
Гремящей, как великий океан, –
Бесследно исчезаю я, пылинка...

Чингисхан.

Чего желаешь от меня?

Джамуха.

Мой друг!
Скорее положи Джамуху в землю –
Заслуженную муку примет плоть,
И сердце остановится навеки,
И станет другом для меня покой.
А если не прольешь живую кровь, –
Приму кончину, как твое прощенье.
Пусть сыновья твои не знают бед!

Считай слова мои благословеньем.
Кто я?
Чужак, чей род тебе далек.
И вот, коре березовой подобно,
Я покидаю изнуренный ствол.
Раздавлен я твоей нещадной силой.
Друг благородный, помни до конца
Слова мои – считай их завещаньем!

Чингисхан.

Да будет все по-твоему!
(Прощается с Джамухой, затем обращается к носям. Голос его звучит горестно и грозно.)
Нежданно,
Став на опасный путь, но не желая
Поворотить, меня бросает друг.
Ко мне питает ненависть, однако
Жалеет о содеянном.
Попытки
Вернуть его на верную тропу
Не понял он, оставшись при своем.
Смерть друга, если верить гороскопу,
Должна была к нему явиться позже.
Убить высокородного – грешно,
Нужны на это веские причины.
(Задумывается.)
Сочтем Джамуху грешником, который
Не пожелал согласия с судьбой.
(Опускает указательный палец.)
Не мучайте! Не проливайте кровь!
(Субэдей, Джебе, Зилмая и Кублай бросаются на Джамуху. Чингисхан идет к тропу.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

*Юрта Есуй-ханум. По грудь утопая
в пуховиках, Есуй-ханум ждет Чагатая.*

Есуй-ханум.

Как!
Сдамся, не изведав торжества,
И не заставлю сокола Джучи
В поту купаться и сжимать в ладони
Мое безумно скачущее сердце?

Да незачем и жить тогда, Есуй!
 Была овчинка, стала просто шкурой,
 Но если шкуру выделывать умело,
 Она приобретает чудный вид.
 Сама сказала: «Окунись в объятия!»
 Не стало невозможное возможным:
 Он оборвал меня, велел, чтоб впредь
 Не заикалась о любви, иначе
 Джучи грозился все открыть отцу.
 Душа его кайсацкая, однако,
 Затрепетала!
 И сурово брови
 Кипчакские насупились тогда.
 Так растоптать ликующее чувство,
 Толкнуть Есуй без сожаленья в грудь!
*(Появляется Чагатай. Есуй-ханум непри-
 язненно глядит в его сторону.)*
 Опять стелиться мне перед монголом
 Тупоголовым, что одет в лохмотья
 И источает смрад?!
(Открывает объятия.)
 Пришел, мой волк?

Чагатай *(целует Есуй-ханум).*
 Пришел, Есуй.

Есуй-ханум.
 Но что с тобою, разве
 В предсмертный час
 Ты распахнул объятия?

Чагатай.
 Да, кажется, неподалеку смерть.

Есуй-ханум.
 Ну, если умирающий способен
 Так пылко обнимать, что делать мне,
 Давно умершей?
 Ты – Чингис на ложе
 Любви!

Чагатай *(тотчас приходя в себя).*
 Не поминай, Есуй-ханум,
 Отцово имя: если хан случайно
 Услышит – наши кости в порошок
 Сотрет, а плоть велит
 Скормить собакам!

Есуй-ханум *(хохочет).*
 Не страшен красоте жестокий хан!
 Чингис безумной грешнице
 Не страшен!
 То, чем в избытке наделен один –
 Отсутствует порою у другого.
 ...Родитель, Их Чэрен, татарский хан –
 Убит твоим безжалостным отцом,
 Но этого Чингису, видно, мало.
 Рабою стала Есуген-ханум –
 Сестра моя, и умерла в трудах,
 Но этого Чингису, видно, мало.
 Прибавив мне, страдающей, мучений,
 Он разлучил Есуй-ханум с любимым.
 Теперь за все заплатит: не жену –
 Гадюку заключает он в объятия.
 Ты – сгусток страха, мучающий душу
 И без того горящую давно,
 Мне прибавляешь новые страданья,
 Хотя и сам не ведаешь о том.
 Кто знает все пороки жеребца,
 Который продается? Лишь хозяин!
 Ты, Чагатай, на ложе – мой Чингис!
 Взберись на этот трон...
(Внезапно отталкивает Чагатая.)
 Спокойно!.. Жа!
(Себе.)
 Есуй-ханум, настал и твой черед.
 Теперь не мешкай, отомсти Джучи,
 Убившему терпение и чувства.
 Не упусти сладчайшее мгновенье!
 Есуй-ханум, единокровных братьев
 Столкни лоб в лоб, и ненависти кость
 Брось между ними,
 Чтобы вспыхнул пламень
 Вражды и мщенья!
(Обнимает Чагатая.)
 И за этот трон
 Готовы биться не на жизнь, а на смерть.
 Роскошный трон
 Давно мечтой заветной
 Стал для Джучи!

Чагатай *(вздрагивая от неожиданности).*
 Что мелет твой язык,
 Есуй-ханум?!

Есуй-ханум (*невозмутимо*).

Я говорю, Джучи

На этот трон стремится с давних пор.

Перед походом на лесных людей

Он всю меня – от головы до пят –

Ошупывал глазами.

Чагатай.

Ну, подарок

Меркитской суки!

Всюду и всегда

Он норовит опередить, опутать.

Придет ли день, когда могу мечом

Смести о нем само упоминанье?

Лишь Угедей достоин зваться ханом!

Лишь я достоин трона твоего!

Да я умру скорее, чем Джучи

Позволю совладельцем стать!

Давно бы...

Давно бы отравил его, да только

Страшусь отца: узнает ненароком –

Раздавит, изничтожит, как букашку.

Хитер, догадлив старый волкодав!

Есуй-ханум (*хохочет, прижимая к груди*

Чагатая).

Страшись!

Но красоте не страшен хан!

Я, Чагатай, та самая преграда,

Которая привязана к пупу

Седого волкодава.

Кто сумеет

Преодолеть подобную преграду?

Чингис не страшен

Грешнице безумной!

Тебе не страшен!

И всему живому

Ужасен!

Для меня твой хан-отец –

Самец зеленой саранчи:

Чингис

Для женщины

Чингисом стать не может!

Ты для меня –

Чингис и властелин:

Скорей взберись на трон моей любви

И докажи, что ты сильнее Чингиса!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

1206 год, год Барса. Орда Чингисхана на берегу Онона. Развевается белый туг. Вся знать степи собралась на торжества:

Чингиса провозглашают далай каганом.

Татанунга заносит все повеления властелина в синюю книгу.

Толпа (*блея по-овечьи*).

Чингис! Чингис! Чингис!

Чингис! Чингис!

Бессчетных лет великому кагану!

Живи всегда, далай каган Чингис!

Чингисхан (*привстав на троне*).

Соратники, советчики, любимцы,

Вы стали мне защитой и опорой,

Когда я делал первые шаги,

Когда вослед ходила только тень

И я не видел преданнее друга.

Никто меня не знал, не почитал,

Вернее – почитали только духи.

В крови сражений я проверил вас,

Поверил вам. Не потому ли Небо

Чингиса благосклонностью дарило

И даровала силу Мать-Земля?

Похож любой из вас на волкодава,

Готового врагу вцепиться в горло.

Любой из вас на сокола похож:

Имеет дар мгновенного удара!

Любой из вас подобен льву, который

Не знает равных в ярости и гневе.

Любой из вас подобен драмодеру,

Который загрызает верблюжонка,

Когда желает тотчас видеть кровь.

...Хочу найти и вымолвить слова,

Те, что давно гнездятся в ваших душах.

Вот повеление мое.

(Кивает Татанунге.)

Татанунга (*раскрывает синюю книгу*).

Превыше

Всех, кто живет под Солнцем и Луною,

Мой властелин – далай каган Чингис.

Повелевает нам каган великий,

Скрепляя повеление печатью,

Избрать нояна-тысяцкого!

Чингисхан (*Татанунге*).

Так!
Грех возвращать упавшую слюну
Обратно.
Все, что ни услышат уши,
Впиши немедля в книгу наших дней.

Татанунга.

Не пропущу ни слова, повелитель!

Чингисхан (*сходит с трона. Обращается к престарелому Мунлику*).

О, мой Мунлик, я затвердил твои
Уроки!
Породнились мы в годину
Жестоких испытаний: был тернист
И узок путь, но мы плечом к плечу
Ступали, опираясь друг на друга,
Что мне перечислять твои заслуги?!
С тобой, Мунлик, не разлучусь вовек,
Поскольку ты завещан мне судьбою:
Отравленный татарами отец
В предсмертный час оставил на тебя
Жену и сына.
Тем, кто был крылат
Или клюваст,— ты не позволил клонуть
Птенца или внезапно сбить крылом.
Тобой нацелен на вершину власти,
Я опирался на тебя, пока
Не стал вождем
Неисчислимых полчищ...
Когда Сангум и друг отца Ванхан
Отдать сестру свою — Чаур-беки —
Сулили сыну моему Джучи,
И я, доверясь лести и коварству,
Уже поехал, чтобы в честь помолвки
Барана съестъ —
Ты, мудрый мой Мунлик,
Распутал сеть хитросплетений вражьих
И возвратил Чингиса с полпути.
Нет, не баранье мясо
В честь помолвки —
Отраву мне готовили враги!
Лежать бы мне теперь непогребенным
Да истлевать незнамо где, Мунлик.
Такое не забудется вовеки!
Отныне станешь тысяцким-нояном.

И накрепко к порогу твоему
Я привяжу игривых жеребят,
И стану с каждой новою луною
Все почести оказывать тебе!
(Подает знак Чигикудуку и тот набрасывает на плечи Мунлику бобровую шубу.)

Мунлик.

Пусть твой подарок — шуба из бобра —
Не пропадет напрасно.
Пусть Земля
Не станет тесной твоему каганству.
Утратившие волю племена
Соединились под твоей рукою.
Народ, что был раздавлен и унижен, —
Твоим стараньем спаян воедино.
Так будь же для монголов и Луной
В ночи,
И Солнцем благодатным.
Ты для страны — отец и властелин.
...Бесценное не обесценить грязью!
Кто знает сыну истинную цену,
Как не отец,
В трудах взрастивший сына,
Для Запада, который стал заносчив,
В грядущем смертью явится Джучи.

Толпа.

Джучи! Джучи!
(Джучи выражает Мунлику свою признательность.)

Чингисхан.

Мой арулад Борчи!
Истерзан, до предела обессилен,
Три дня, три ночи я искал в степи
Саврасого коня, когда впервые
Тебя увидел.
Не спросив отца,
Ты оседлал буланого пришельцу
И сам вдогон пустился как стрела.
Три дня, три ночи мчались мы вослед
Грабителям.
И найден был саврасый.
И стали мы с тобою, точно братья, —
Сын Есугея — Тэмуджин и ты —
Единственный наследник бая Наху.

Все, что сокрыто от других людей,
Я доверял тебе.

Потом – разлука...

Тянулись дни жестокой чередой

И нарастала, глыбилась тоска:

Кому-нибудь довериться хотелось!

И вот однажды брат мой Бэлгунтэн

К тебе приехал и сказал:

«Пора

Увидеть другу дорогого друга».

Тогда Борчи, судьбу вверяя Небу,

Надев поспешно ратные доспехи,

Ко мне примчался на гнедом коне.

Что мне перечислять твои заслуги?!

Один сражался против трех меркитов,

Когда они напали на Бурхана.

С татарами в лесу рубился насмерть.

Со мною шел под ливнем и в пургу.

Когда бы ты ошибся девять раз –

И тут бы защитил тебя от гнева.

Тебе вручаю правое крыло –

Ты, славный багатур, страной Алтай

Владей отныне.

Борчи.

Друг мой Тэмуджин!

Да будет так.

Исполню повеленье.

Не зная страха, мы урвали власть

У горных и свирепых керейтов –

Нещадно изрубили их тумени

И поделили горную страну.

Один, всего один кровавый вечер

Понадобился, чтобы нашу мощь

Признали дунгаиды и олоны!

Мы расчленили эти племена,

Любившие разбой и грабежи,

А после поделили всех людей

И весь простор – Алтай и Алатау.

И к русским подступали, и мечи

Уже точили о чужие кости...

Мой повелитель! Каменным заслоном,

Преградой встану на пути врага.

Твое желанье, как свое желанье,

Всегда исполню. Двинешься в поход –

И я, твой раб Борчи,

Отправлюсь следом.

Ты для меня не Тэмуджин, а Солнце:

Мой повелитель, многие века

Свети народам, излучай сиянье!

Чингисхан.

Ноян из жалаириков, Мукулай!

Дарованную Небесами долю

Ты собирал по крохам: с каждой ветки,

С любого стебля, от любого корня.

Сил не щадил и не жалел труда.

Как перечислю все твои заслуги?

Ты для меня не меньше, чем Борчи.

Ноян, равнина Хорхонаг Джубура –

Хутула-хана бывшие владенья –

Вот наша мать!

Она о Гун-Гуане

Напоминает – о великом, первом

Царе степей.

Ты вышел из пупа

Той матери, я – порожденье сердца

Ее несокрушимого. И вот

Я – нынешний наследник Гун-Гуана!

Со мною слава и любовь племен.

Исполнен уважения к тебе,

К усопшим предкам

И к твоим потомкам,

Великую оказываю честь

И ставлю Мукулая Го-Гуаном

Степей бескрайних!

Вместе с тем, ноян,

Тебе вручаю левое крыло –

Отныне стань хозяином земель,

Что примыкают к Харуун-Джидуну!

Мукулай.

Исполню повеленье, мой каган!

Кто испытать решится нашу силу –

Настигнут будет, завлечен в капкан,

Изрублен, а затем развеян в прах!

Не раз урву богатую добычу

И, покорив тебе надменный Запад,

Повергну в изумление Восток!

Я соберу в кулак такую силу,

Что вовсе скроет пыль из-под копыт

Коней, летящих следом за конями

И – с каждой гривы будет литься свет

Любви к Чингису!

Все свои победы,
А также плоды побед грядущих
Мы, повелитель, посвятим тебе!

Чингисхан.

О, мой прекрасный баарин Хорчи!
Друг детских лет,
С тобою мерзли в стужу,
Тонули в реках, а когда подолгу
Не покидали жесткое седло –
От язв кровоточили наши ноги.
Припоминаю, как сказал однажды:
«А если одарит удачей Небо,
Осуществятся сны мои
И друг
Взойдет на трон великого кагана –
Дозволено ли будет тридцать жен
Иметь Хорчи?»

Пророческие сны

И впрямь сбылись –

Благодаренье Небу!

Так вот, сегодня говорю тебе:

«Какая приглянулась,

Та – жена,

Какой коснулся –

Той навек хозяин,

Которых окровавил –

Все твои!»

Владей, Хорчи, большой рекой Иртыш,

Будь властелином

Всех лесных народов!

Хорчи.

Все будет так, как скажешь, Тэмуджин!

Сбылись мои пророческие сны:

Бог осчастливил своего любимца,

Далай каган, в один и тот же день

У тридцати моих красавиц жен

Начнутся разом схватки родовые!

Чингисхан.

О, Джурчидай, рожденный уруудом!

Подобно скалам, ты служил защитой.

Кода сражались мы на Халхалзанде,

Заключенный враг –

Сангум –

Тобой, ноян,

Был ранен, а затем пронзен стрелой.

Сломивший керейтов и найманов

И разгадавший плутни Джаха-хамбу,

Который встал

На скользкий путь измены,

Ты, Джурчидай, был неизменно тверд

В жестоких битвах, и тебе за это

Дарую сорок сотен уруудов!

Джурчидай (обиженно).

Кто знает цену золоту, пока

Оно в руках?

Великое спасибо

За небольшой подарок, Тэмуджин!

Чингисхан (себе).

Да, это – жизнь!

За завтраком она

Не раз проверит разум и сноровку,

А за обедом – родичей твоих

Переберет до сотого колена.

(Джурчидаю.)

Награды ходят множеством путей:

Пожалуй, преждевременна обида!

(Джурчидай глядит на опечаленную Ибага-бэхи-ханум. Чингисхан, перехвативший этот взгляд, обращается к жене.)

Еще ни разу, Ибага-бэхи,

Не говорил, что твой характер скверен,

Не говорил, что дурно пахнут ноги,

Не говорил, что губы жестковаты,

Не говорил, что ты нехороша.

Красавица, которую не раз

Сжимал в объятьях долгими ночами,

Теперь меня поставила в тупик.

...За то, что был грозою

В каждой схватке,

За то, что не позволил племенам

Сойти с дороги влево или вправо –

Сегодня багатуру Джурчидаю

Тебя дарую, Ибага-бэхи!

(Одну из кос, лежащих на груди жены, Чингисхан перекидывает ей за спину.)

Ибага-бэхи-ханум *(не умея скрыть радость).*

Склоняюсь пред тобою, повелитель!

Чингисхан (*обращаясь к жене*).

Ты знаешь, что отец твой Джаха-хамбу,
Один из кереитских вожаков,
Убит моей рукою.
Знаешь также,
Что он загублен по твоей вине.
Ну, если знаешь все,
То Джурчидаю
Все прелести свои отдай в награду!
(*Подает знак Чигикудуку, тот выводит
двух поваров.*)

Чингисхан (*Джурчидаю*).

Еще тебе искусных поваров
Дарю – Ашыктемира и Алшыка!
(*Джурчидай переламывается в поклоне.*)

Чингисхан (*себе*).

Уместны и верны мои поступки:
Лишь неразумный все гребет к себе.
А женщина –
Пускай, она слаба –
Есть женщина.
Душа ее подобна
Людским глазам, которые сполна
Насытятся могильною землею.
О, женщина однажды все равно
Поступит так, как в голову взбредет.
Народ подобен бабе:
Нет кагана –
Народ в беде.
Но и с каганом он
На виселице пляшет зачастую.
(*Чагатай подает знак Есуй-ханум.*)

Есуй-ханум (*встав перед Чингисханом*).

Дай слово молвить!

Чингисхан.

Молви слово, если
Есть, что поведать.

Есуй-ханум.

О, далай каган!
Перед походом,
Перед переправой
Речной,

Перед дорогою далекой
Каган,
Как повелел ему обычай,
Наследнику державу завещает
И наставляет, как владеть страной.
Когда-нибудь прекраснейший цветок
И тот увянет:
Мы живем не вечно.
Но долг кагана –
Думать о грядущем
Бестрепетно.
Когда кагану жизнь
Безбрежная, как воды океана,
Дарована –
Мы покоримся доле
И даже возблагодарим судьбу.
Но если ты –
Защита и опора –
Оставишь мир,
Кто примет твой народ?
(*Все смотрят в сторону Джучи.*)

Народ.

Джучи!.. Джучи!..

Есуй-ханум.

Не говорить об этом
Не можем, но хотим из первых уст
Теперь услышать,
Кто из сыновей
Достоин трона твоего?

Народ.

Джучи!.. Джучи?.. Джучи!..

Есуй-ханум.

Хотим спросить еще:
Как станет сын – один из четырех –
Народом править, женами, детьми,
И внуками, и всем твоим богатством?

Чингисхан.

Ты женщина, но ты умней мужчин,
Моя Есуй:
Ты указала мне,
Путь мудрости!
(*Глядит на Джучи.*)

Как позабыл, что смерть
 Способна увести меня дорогой,
 Которою навек ушли отцы?
 Монголы, сыновья мои и братья!
 И я уйду: известна воля Неба –
 Кто в мир явился, тот покинет мир.
 Давайте думать вместе, сообща.
 Мой старший сын, умеривший печаль,
 Расширивший
 Мое стремленье к жизни,
 Что скажешь нам?
 Мы слушаем, Джучи!

Чагатай.

Мой повелитель!
 Почему Джучи
 Такая честь?
 Да ни один из нас
 Не покорится отпрыску меркита!
*(Джучи, обрывая Чагатая, смыкает руки
 на его горле.)*

Джучи.

Меня ты обзываешь чужаком,
 В то время как отец –
 Далай каган –
 Ко мне и щедр и милостив?!
 Неужто
 Ты, недоносок, лучше и мудрей?!
 Хребет сломаю,
 Выколю глаза
 И вышвырну собакам,
 Точно падаль!
*(Нояны разнимают братьев. Чингисхан
 важно шагает к трону. Из толпы, рыдая,
 вырывается Борте-ханум.)*

Борте-ханум.

Опять мои чернеют небеса –
 Они уже готовы брызнуть кровью!
(Чингисхану.)
 К чему еще ведет твоя свирепость,
 Которой позавидует зверье?
(Сыновьям.)
 О, вы, чья доля колесить по свету,
 Считая другом собственную тень, –
 Неужто вас совсем оставит разум?!

Чингисхан.

Жа! Я еще не умер!
 Вы Чингиса
 Пока не схоронили!
 Вам бы лучше
 Не видеть света белого:
 Таких
 В траву закутай – выплюнет корова,
 Промасленной лепешкой оберни –
 Не станет жрать голодная собака!
 Отец еще не лег в сырую землю,
 А вы уже кусаете друг друга?!
 Не стала бы нелепая вражда
 Причиной многих бедствий
 Для народа!
 Душа хладеет и черствеет сердце,
 Когда гляжу, как, недругам на радость,
 Становитесь посмешищем людским!
 Но, если бог мое не проклял семя,
 Но, если чрево жен моих безгрешно, –
 Отыщется среди моих детей
 Достойный поклонения наследник!

Джучи.

Мой повелитель! Хан тогда хорош,
 Когда не уступает добровольно
 Свой трон другому.
 А народ хорош,
 Когда не спорит со своим владыкой.
 Живи всегда! За твой высокий трон
 Не стану биться, но в единоборство
 Вступлю отныне со своей судьбой,
 Которая моим единокровным
 Дает возможность оскорблять меня!
 Однако честь свою не уроню,
 Пусть знают, что Джучи –
 Других не плоше!

Чингисхан.

Иного я не ожидал, Джучи,
 Да будут Небеса тебе опорой!
 Не злись на забияку Чагатая:
 Что может разуместь брыкливый конь,
 Купающийся в собственной моче?
 Единство не бывает запоздалым,
 Все, что в грядущем завоюем – ваше!
 Просторна Мать-Земля,

На ней довольно
Рек полноводных и озер широких –
Живите порознь.

Чикудук (*выступая вперед*).

Повелитель мой!
Дай слово молвить.

Чингисхан

Молви слово, если
Есть, что поведать.

Чигикудук (*едва сдерживая негодование*).

Повелитель мой!
Как это вышло, что над нами вдруг
Так вознеслись Борчи и Мукулай,
Хорчи и Джурчидай?
Заслуги прочих
Неужто меньше?
Разве меньше крови
Вот эти трое пролили в боях?
(*Боракул, Чуки и Кокучи встают рядом с Чигикудуком.*)

Мы к твоему счастливому порогу
Так много лет привязаны, что зоркость
Уже успели потерять глаза,
А головы покрылись сединою.
Зато теперь могуществом твоим
Любой из нас насыщен и напоен!
Во тьме кромешной чуткими ушами,
При свете солнца зоркими глазами
Твоими были мы – меркит Кучи
И Кокучи, рожденный тайчиуткой,
И Боракул из племени джуркунов,
И я, тобою найденный когда-то
Среди татар!
Сегодня, принародно,
Нам ничего не дав при дележе,
Ты сделал нас посмешищем, мишенью
Для сплетен, оскорблений и хулы.
Громили тайчаутов и меркитов!
Громили и джуркунов, и татар!
Мы, выродки, разбили очаги
Сородичей своих.
Родную мать
И ту не пощадили для кагана!

Твоей удачей были наши руки,
Твоим благополучием и счастьем –
Служили возвышенью твоему!

Кучи.

Что, разве мы удачей и победой
Не стали для тебя?

Боракул.

И разве вместе
С твоим не билось сердце у любого?

Кучи.

И разве не мелькали наши ноги,
Спеша исполнить ханские дела?

Все в один голос.

Где справедливость?
Что ответишь нам?

Чингисхан (*изменившись в лице*).

...Чигикудук из племени татар,
Ты разгромил меркитов и монголов,
Поставил на колени тайчиутов.
Всем,
Всем, кто решался стать моим врагом,
Пришлось изведать
Дикий твой характер!
Кучи, великолепный мой меркит,
Ты подступиться не давал врагам,
Не позволял врагам спастись бегством.
Ты покоришь мне родичей моих
И устрашил врагов в пределах дальних!
Мой Боракул из племени джуркунов,
Не ты ли был щитом моим железным
И, отражая вражеские стрелы,
Не падал, даже раненный в висок?
Мой Кокучи, храбрец из тайчиутов,
Ты скромнен и спокоен, словно буйвол,
Но, точно беркут, ты когтил врага!
...Вы на меня обиделись по праву!
Мать Оэлун и вас кормила грудью.
Сырую печень ярки белшерстной
Она, благословив, скормила вам,
Чтоб на съеденье чужакам друг друга
Вовек не оставляли! Потому
Вы четверо – мои глаза и уши –

Владеете отныне всем богатством,
 Принадлежащим мне! Между собой
 Богатства разделите полнобвно.
 У этого уйгура Татанунги
 В кармане есть великая печать,
 Его когда-то спасшая от смерти.
*(Татанунга достает из нагрудного карма-
 на и кладет поверх синей книги большую
 печать.)*

Хозяину печати дайте дело.
 Трудитесь, чтобы выкорчевать вовсе
 И клевету, и ложь, и лихоимство!
 Чигикудук, ты – главный судия!
 Все спорные дела – твоя забота.
 Пусть синими чернилами указ
 Записан будет в книгу нашей славы.
 Пусть властвуют
 Обычай и порядок!
 Все что ни есть возьмите на учет –
 И земли, и народы, и стада...
 Пересчитайте серебро и золото.
 Кто ныне возглавляет племена?
 И сколько знатных в племени?
 И сколько
 Мужчин и женщин в каждом из родов?
 Все разделите – воду, воздух, пламя!
 Пусть, раскрывая книгу наших дней,
 Узнают благородные потомки,
 Как трепетала перед Чингисханом
 Вселенная!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Орда Чингисхана в Каракоруме.

*Каган лежит, Есуй-ханум массирует
 ему руки и ноги.*

Есуй-ханум *(деланно смеется).*
 Мой повелитель, что случится, если
 Шалуньей вдруг окажется жена?

Чингисхан.
 Жена-шалунья только наслажденье
 Доставит мужу своему, Есуй.
 Неужто ты из тех, что ненасытна?
 И разве я не отличил тебя

От многих жен, когда привез одну
 На Улытау, что превыше рая?
 Все жены вместе взятые – курган,
 А ты, моя Есуй, – курган соседний.

Есуй-ханум.

Но если стать высокою горой
 Однажды пожелается кургану,
 То виноват ли будет тот курган?
 ...Что, если сын, в которого ты веришь,
 Окажется задирой, властелин?

Чингисхан.

Тогда народ забудет о покое,
 Есуй-ханум.

Есуй-ханум.

А если дерзкий сын
 Свой туг решит поставить на твоём
 Возлюбленном кургане, что тогда?

Чингисхан *(меняясь в лице).*

Такую хворь не исцелит лекарство,
 Есуй-ханум.

Есуй-ханум.

Что если сын-задира
 Свой туг вонзит
 В любимый твой курган,
 А неразумная жена-шалунья
 Не станет шуму поднимать?

Чингисхан.

Тогда
 Ей надо тотчас отрубить башку!
 А ну, лишённая деторожденья,
 Не мямли, прямо говори, – какое
 Злосчастье кличешь?

Есуй-ханум.

Повелитель мой,
 Когда ответу прямо, будет тяжко
 Твоей душе, на горестях ее
 Насытятся бессчетные вороны!

Чингисхан *(решительно).*

Все говори, да быстро!

Есуй-ханум.

Твой Джучи –
Твой старший сын – преследует меня!
Грозился он на берегу Онона:
«Отравы я подсыплю старику,
Который, верно, выжив из ума,
Насытил землю кровью, сверг народ
В пучину бедствий, превратил монголов
В скот неразумный, в дикое зверье!»
...За шею обнял и сказал: «На ложе,
Есуй, твои объятия обогрею
И разорву твое пустое чрево!»
Я убежала!

Чингисхан.

Прекрати, плутовка!
Ни слова больше...

Есуй-ханум.

Мой далай каган,
Да как же это? Полоумный сын
На собственную мать, как жеребец
Кидается, а я о том ни звука?!
Не даром, видно, говорят в народе,
Что из другого теста твой Джучи...

Чингисхан (себе).

Без ветра разве шелохнутся травы?
На истину походит женский бред:
В нем виден проблеск разума!
И вправду,
Пленив Бурте, собачий сын-меркит
Мог заложить тяжелый камень в чрево
Жены!
(Есуй-ханум.)
Ну, яловая кобылица,
Что дальше? Говори!

Есуй-ханум.

Ты, после Неба, –
Единственный защитник и хозяин
Есуй-ханум!
Мое несчастье в том,
Что родилась красивой, да бесплодной,
И, сколько ни трудились бы мужчины,
Останусь яловой кобылицей –
Так насмеялась надо мной судьба!

Не женщиной, познавшей материнство,
Родившею наследника кагану –
Быть жалкой греховодницей,
Блудницей
Мне на роду написано.
Горька
Такая доля! Исхожу слезами...
Но надо жить, как ни печален жребий!
Давно желала поделиться тем,
Что ржавчиною разъедает сердце,
Да не хватало духу...

Чингисхан.

Говори!

Есуй-ханум.

Скажу!
Давно желаю, повелитель,
Чтобы застыл расплавленный свинец
В широком горле чужака Джучи,
Но за Джучи стоит его жена,
Которой равных нет среди монголок!
И не сыскать в подлунном мире ровни
Далай кагану!
Разве без причины
На озеро садится белый лебедь?
Такие, как Чингис и Бектумыш,
На свет приходят раз в тысячелетье!
Наследника, достойного каганства,
Родит она!
И – знаменем народа
В грядущем станет выношенный ею
И только ею!.. Все в твоих руках –
Ты вправе наказать меня и вправе
Внять малому уму, и тем навеки
Меня счастливой сделать.

Чингисхан.

Говори!

Есуй-ханум.

О, гений, что рождается однажды,
Так сделай, чтобы и Восток, и Запад,
И Юг, и Север стали для тебя
Единым раем!
Должен целый мир
Быть по колено грозному Чингису.

Чингисхан.

Моя Есуй, ты высказала мысль,
Способную решить судьбу больного.
Одновременно – затворила дверь
Своей бесплодной жизни!
(Есуй-ханум отступает.)
Часовой!

Есуй-ханум.

Нет! Повелитель, в чем моя вина?!

Чингисхан.

Ты – женщина. И виновата в том,
Что оказалась умной. Виновата,
Поскольку дух святой, моя Есуй,
Слетает наземь с головы кагана!
(Часовому.)
Забрать!

Есуй-ханум.

Прости, помилуй, повелитель!
Даруй мне жизнь!

Чингисхан *(опускает указательный палец).*

Помучается пусть:
Да вытечет вся кровь ее по капле!
*(Часовой уводит кричащую Есуй-ханум.
Входит Чагатай с перекошенным от
страха лицом.)*

Чагатай.

Мой повелитель, дозвожь войти к тебе!

Чингисхан *(невозмутимо).*

Входи, входи. Однако если сын
Является ко мне, дрожа от страха,
То жизнь простого люда, вероятно,
Подобна муке.

Чагатай.

Повелитель мой!
Что если я вхожу к тебе не в страхе,
А в горести, в печали неизбывной?

Чингисхан.

Коль Чагатай в печали неизбывной,
Выходит, рана у него в душе.
Так говори открыто...

Чагатай.

Если тотчас,
В кулак собравшись, двинем на врага –
Затянется мучительная рана
В моей душе.
...Чудовищную весть принес тебе!

Чингисхан.

Так говори скорее.

Чагатай.

Отец, сверкнула молния беды,
И небеса мои покрылись мраком!
Еще вчера покойным было ложе,
Но одеяла расшвырял Джучи.
Джучи над нами наклоняет дым,
Который прежде подымался прямо!
Напрасно я гонялся по степям
За музыкой, за пустоватым звоном
Струны!
Зря не сразил меня Джучи,
А лишь поранил пикой Субэдея!
Как это, благородный наш отец,
Вы у врагов пошли на поводу
И поощрили пагубное дело?!
Джучи, чужак,
Меркитский грязный пес,
Прибрав к рукам кипчакские просторы,
И степь, и воду.
И людей, и скот –
Божился стать под знамя Магомета!
Вероотступник и меркит Джучи –
Поклялся на Коране, что тебя –
Отца! –
Убьет на первой же охоте.

Чингисхан *(себе).*

Похоже, тот, кто шел тебе вослед,
Таился, точно тухлое яйцо.
Что скажешь, сердце?
Кажется, бедою
Грозят сегодня собственные печень
И почка!
(Чагатаю.)
Кто принес такую весть?

Чагатай.

Мой человек – ноян в войсках Джучи –
Прислал гонца.

Сегодня, повелитель,
Враги решили сокрушить Орду.

Чингисхан.

Весть страшная. Но как бы, Чагатай,
Она не оказалась ложной вестью.
Пусть ни один живущий на земле
Не слышит слов, тобой произнесенных.
Зубами крепче затвори язык!

(Задумывается.)

Такие вести обещают горе.
Джучи, видать, поддерживают духи:
Он наделен волшебным языком
Учти, такие люди, как Джучи,
Родятся редко.
Если твой ноян,
Доносчик тайный –
Путаник и лжец,
То совершится, Чагатай, ошибка,
Которую поправить не дано!

Не злобствуй, точно враг,
И чувство мести

Пока стреножь.

Давай поступим мудро –
Посмотрим что к чему...

(Слышится бой барабанов. Вздымая тум победного траура, входят Субэдей и Кублай. Во главе группы ноянов появляется Джучи.)

Кублай.

Мой властелин!
Повержен в прах
Большой народ китайский!

Субэдей.

Мой повелитель!
Брошен на колени
Лесной народ!

Чингисхан *(сходит с трона).*

Соратники мои!
Вы были и отрадой и защитой
В далекие года, когда друзей
Нам заменяли собственные тени,
Когда никто на свете, кроме Неба,
Меня не удостаивал любви.
Без усталости шагая по земле
В изорванных колючкой сапогах,

Я постигал свое предназначение.
Монголов, прикрывавшихся рваньем,
Монголов, ноги кутавших в лохмотья,
Монголов,
Что насквозь пропахли гнилью,
Я ввел в число известнейших народов,
Одел в железо и вооружил,
И научил людей гостеприимству.
Не мало взял, но больше дал другим.
Брал золото при дележе добычи.
Яд – ядом обезвреживал. И смертью
Лечил оскудевающую жизнь.
Унизил распоясавшихся ханов,
Когда-то помыкавших племенами,
Вообразивших, что любой из них –
Каган и бог!

Я пробудил народ

От спячки, что напоминала смерть:
Сегодня и младенец в колыбели,
Почуввав мощь, натягивает лук!
Привыкшие сражаться в одиночку,
Уразумели – смерти равносильны
Раздор и одиночество людей.
Тогда в народе утвердилось братство!
Мои победы – это поражения,
Любое восхождение – это спуск,
Поскольку с каждой новой удачей
Все нарастает численность врагов.
Мы стали вдвое зорче и мудрее,
Однако нам придется –
Знаю точно –
Стать всемеро сплоченней и разумней:
Теперь богатства наши велики!
Неужто, опьяненные удачей,
Мы станем жертвой распри и вражды?
(Всматривается в лица ноянов.)
Итак, мои давнишние друзья,
Не раз меня дарившие советом,
Что скажете?

Кублай.

Под этим вечным небом –
Ты властелин!.. Живи тысячелетье!

Зилмая.

Далай каган, мы сохраним единство,
Покуда на земле живут враги!

Джебе.

Владыка мира, в новые походы
Всегда веди ноянов за собой!

Субэдей.

Нет недругов, бессчетных, но лишенных
Умения сражаться, и теперь
Нам некого страшиться, повелитель!
Считай, что мы всегда с тобою рядом –
Нас направляют помыслы твои.

Чингисхан.

Плоть – брэнна,
Имя славное бессмертно.
И, если поразмыслить, лучший друг –
Мысль мудреца.
Нет ничего глупее
Напраслины, несправедного гнева.
Кто терпелив, тот гибок и увертлив.
Полезно также быть прямым и честным.
Вас по заслугам одарило Небо.
Не держите ли за душой обид,
Желаний, нам неведомых, нояны?
Все лучшие, достойнейшие мысли
Наследникам оставим как наказ.

Чигикудук.

Невысказанных мыслей и обид
Не держим за душой, далай каган,
И головы склоняем пред тобою.

Джучи.

Без грязи на лице – одна Луна,
Без всякого изъяна – только Небо,
Но ты не ниже Неба и Луны!

Дозволь сказать.

(Чингисхан кивает.)

Взрастая под крылом
Величья твоего, мы трепетали,
Благоговели пред твоим каганством,
А потому держались на воде
И не горели в пламени пожарищ.
Мечтали прочно защитить себя
От недругов твоих неисчислимых.
Мечтали стать народом на коне,
Народом, что не обретет покоя,
Пока не умертвлен последний враг!
Поработили весь степной простор,
Склонились перед нами все соседи.

Но станем ли воистину народом,
Достойным почитания и славы,
Когда за нами вслед клокочут реки
Сиротских слез и вдовьих слез, отец?
Цветенье жизни, нежное цветенье –
Мы обращаем в черное железо,
И даже юность облачаем в саван!
Так стоит ли и впредь губить людей,
Питая ненасытные пески
Невозвратимой человечьей кровью?

Чингисхан *(меняясь в лице).*

Ты хочешь избежать кровопролитья?

Джучи.

Жестокости противится душа!

Чингисхан.

А что, Джучи, пожертвуешь ли жизнью,
Коль повелю?

Джучи.

Ну, если жизнь моя
Затычкой служит, а потоку крови
Пролиться должно – я умру, каган!

Чингисхан.

Толпа, что позабыла запах крови,
Наследник, позабывший об отце,
Способны завтра позабыть о Небе!

Джучи.

Не то что жизнь, не то что кровь, отец,
Вода – и та не льется понапрасну!
Чернь, непрестанно видящая кровь,
Однажды свалит черный туг кагана.
Зачем упрямо наступать на хвост
Невозмутимо дремлющей змеи?
Мой повелитель, для чего песок
Швырять в глаза толпы неисчислимой?

Чингисхан *(саркастически).*

Когда народ повергнет черный туг,
Упрямый сын ломает мне хребет.
Так что же посоветуешь, Джучи?!

Джучи.

Сегодня мы – всеильные монголы –
В степном просторе
Разметнулись вольно.

Вся наша жизнь – ежеминутный бой!
 Мы были вроде малого пятна
 На лбу коня, а завладели всей
 Огромной шкурой, и настало время
 В порядок привести свои владенья.
 Разбрасывая смерти семена,
 Мы проносились по земле бескрайней.
 Осталось ли хоть что-нибудь у Неба
 Там, где прошла монгольская орда?!
 Все, что слепили мы из ничего,
 Пора поднять и обогреть дыханьем.
 Мой повелитель! Кто страшится сам,
 Тот в состоянье утратить другого.
 На вымиранье обречен народ,
 Не чувствующий близкую опасность.
 Всегда под нами тряское седло,
 Пятнающее ссадинами тело, –
 Такая жизнь достойна зваться жизнью?
 Где сеяли погибель, там пора
 Хлеб высеивать,
 Отстраивать жилища.
 Гортанный клич не в силах бесконечно
 Крепить и возвышать народный дух.
 Забыты песни, порвана струна...
 Воители от мала до велика,
 Мы превратились
 В мертвый дух степей:
 Есть головы у нас, да нету сердца!
 И серебро, и золото – мертвы.
 Не отыскать сокровища дороже,
 Хорошей песни...

Чингисхан (*перебивая сына*).

Значит, грозный вызов –
 Гортанный клич, который брошен миру,
 Забудем ради песни?!

Джучи.

Мой каган,
 Не песня ли является истоком
 Монгольского воинственного зова?
 К тому же, бросив клич, не стоит сразу
 Мир сотрясать копытами коней.

Чингисхан.

А смеет думать сын единокровный
 Совсем не так, как думает отец?

Джучи.

Я не хотел бы мыслить по-другому!
 Известно: шуба будет коротка,
 Когда скорняк забыл спросить совета.
 Но, если прямо выражена мысль,
 Почти всегда рождается обида!
 Степные наши кони – низкорослы,
 Они остаться могут без копыт,
 Пропасть в тысячеверстных переходах
 По Западу, который каменист!
 Далай каган! Доподлинно известно:
 Не сыщешь багатура без ущерба,
 Как не найдешь народа без изъяна,
 И череп человека, чьи глаза
 Немыслимо насытить,
 Может, так же
 Под солнцем будет камень в степи,
 Как череп властелина Искандера,
 Когда-то покорившего весь свет.
 Не может возноситься багатур
 Над багатуром!
 Ни один народ
 Не может быть значительней другого!
 Кто слышал, чтобы славу багатуру
 Снискали кровожадность и свирепость?
 Кому случалось слышать о народе,
 Прославленном невежеством своим?
 Лжебоги – мы, махая гнутой саблей,
 Прославились ошибкою, когда
 История вздремнула ненароком.
 Но в день суда –
 Пред богом настоящим –
 Лжебоги пожалеют о свершенном!
 Мир справедлив и кажет человеку
 Попеременно то лицо, то зад.
 У воина все тело – беззащитно.
 В народе нынче не отыщешь юрты,
 Которую не посетила смерть.
 Народ устал от бесконечной крови,
 Он верит, что настало время жить:
 Никто не смеет осквернять святыни,
 Никто отныне не крадет красавиц,
 И незачем, как беркут на добычу,
 Кидаться на соседние народы:
 Давно покорны эти племена.
 Стать родником утраченного счастья –
 Вот самое насущное!

Чингисхан.

Дурак!

В одно мгновенье раб достигнет трона.

Рождение и смерть – одно мгновенье.

Всего мгновенье светит пламень сердца,

В одно мгновенье

Делаясь бессмертным.

Готов любить твой справедливый мир,

Когда он прямо смотрит мне в лицо,

Но если мир ко мне повернут задом –

Достанет сил хлестать его бичом!

Тулпар, идущий вслед за ишаком,

Не избежит ослиного влиянья.

На небе – бог!.. В подлунном мире – я!

А, может, ты решил вести монголов?!

По мне куда достойней драмодером

Прожить шесть дней,

Чем маяться шесть лет

Атаном оскопленным! Рановато

В покойнички зачислили меня!

Ты испугался Запада? Выходит,

Путь шелковый, связующий Багдад

С Уралом, –

Для монголов не добыча?!

Джучи.

И Запад покорится в свой черед!

Я не из робких: робкие – безмолвны.

Путь шелковый – основа золотая,

Но чтобы покорить надменный Запад,

Сегодня надо повернуть коней

Туда, где поутру восходит Солнце.

Чингисхан.

Скажи, Джучи, в своем ли ты уме?

Джучи.

Мой властелин! Но если Запад завтра

Покажет нам не спину, а лицо –

Спасут ли нас испытанные кони?

Чингисхан.

Да у тебя заходит ум за разум!

Джучи.

Коварный Запад – дремлющий дракон,

Которого давно терзают распри.

Покуда он не обнажил клыки,

Нам следует, опередив врага,

Ударить в спину Запада от моря,

Дающего дыхание и мощь!

Чингисхан.

Жа! Прекрати пустую болтовню!

(Себе.)

Из-под твоей руки уходит этот

Заносчивый подкидыш, Тэмуджин!

Выходит, Тэмуджин, пришла пора

Расплав свинца залить меркиту в глотку!

(Поспешно входит часовой.)

Часовой.

Мой повелитель! Прискакал гонец

На вороном коне.

Чингисхан.

Введи его. *(Себе.)*

Выходит, весть – воистину черна,

Способна умертвить и молодого.

(Часовой вводит вестника.)

Вестник *(не решаясь заговорить).*

...Владыка мира!

Чингисхан.

Говори, какую

Мою опору подкосила смерть?

Вестник.

Все сто послов и сам ноян Ухуна

Удавлены руками сартаулов...

Чингисхан.

Убить гонца, доставившего весть!

(Нояны, оцерившись, выступают вперед.)

Не мучайте! Не проливайте кровь!

Нояны.

Отомстить за смерть Ухуна-багатура!

Да не увидят сартаулы солнца!

В поход, в поход: бездействие позорно,

Когда обрублен золотой аркан!

Растопчем сердце злобных сартаулов

И утвердим кровавое ярмо!

Чингисхан *(Джучи).*

Из-под твоей руки возникла смута!

Чему теперь научишь нас, мудрец?

И ты стоишь, не умерев от гнева?

Джучи.

Мой повелитель! Я рассею смуту,
Сам положу врагов на наковальню –
Выходит, так назначено судьбой!
(Себе.)

Смертельным подозрением кагана
Я связан крепко-накрепко.

(Чингисхану.)

Отец!

Дозволь немедля выступить в поход!

Чингисхан.

Ступай!

(Джучи уходит. Чингисхан останавливает
двинувшегося следом Субэдея.)

Жа! Не спеши ему на помощь!

И к женщине, и на смерть –

В одиночку

Идти обязан истинный мужчина.

Сам в бой пойдет, сам сокрушит врага,

Когда судьбой назначена победа!

(Чингисхан кивает в сторону вышедшего
сына и опускает указательный палец.)

Не мучайте!.. Не проливайте кровь!

(Нояны, возглавляемые Субэдеем и Кубла-
ем, устремляются вслед за Джучи. Каган
тяжело шагает к трону.)

КАРТИНА ПЯТАЯ

*Юрта Борте-ханум. Борте-ханум,
Джучи и Бектумыш.*

Джучи (стоя перед матерью на коленях).

Ты понимаешь – не нужны слова! –

Жесток, жесток приказ отца-кагана.

Благослови идущего в поход.

Борте-ханум.

Куда спешишь-торопишься, Джучи,

Теперь, когда твой первенец Бату

Окреп и сделал первые шаги?

Бывало, испытав восторг победы,

Ты красотой одаривал меня,

Набрасывая ханские одежды.

Бывало, наилучшие из яств

Вкушала я из рук моих невесток!

Не подождешь, куда дело мести
Созреет до конца в твоём рассудке?

Не подождешь, пока поставят прочно
Твою девятикрылую орду?

Не отдохнув, не распахнув объятий,

Куда спешишь-торопишься, Джучи?

Джучи (поднявшись, хмуро).

Что думали – сказали напрямик,

И, уходя все дальше друг от друга,

Должно быть, успокоились на том.

Наветом связан по рукам-ногам,

Придавлен подозрением кагана,

Я чувствую: внезапный гнев отца,

Как водится, попахивает кровью.

У сартаулов – смута. Чья-то жизнь,

Наверно, станет жертвой этой смуты.

Родная мать, ты – женщина! Зачем же,

Поправ обычай нашей старины,

Ты перешла мне путь – спросила сына:

«Куда спешишь-торопишься, Джучи?»

Борте-ханум (растерянно).

Меня, видать, наказывает Небо!

Прости, Джучи, прости, мое светило!

(Плачет.)

Мой стригунок, с кем ты затеял спор?

Каган способен даже на убийство,

Лишь только бы поставить на своем.

Кто может спорить с этим человеком?!

Джучи.

Каган, убив оболганного сына,

Найдет себе утеху и усладу.

Жена обзаведется новым мужем,

Отыщет друга верного сестра.

И только сын, чьи кости не окрепли,

Малыш, еще не знающий страданий,

Осиротев, узнает стыд и муку,

Откроет горе и найдет печаль.

...Тогда монголы потеряют разум!

(Бектумыш.)

Любимая, умнейшая из женщин,

Кого ценил превыше всех мужчин, –

И ты поникнешь, словно степь Кердала,

Которую сразил палящий зной!

Вся горечь мира сущего, вся горечь

Иного мира – это две собаки,

Две суки, не сумевшие сберечь
Хозяев-багатуров и народ...
Прославленная честностью своею,
Не урони достоинство и честь!

Бектумыш.

Не сомневайся, не тревожься, сокол!
Как доверял, так доверяй и впредь
Своей жене:
Готова честь семьи
Оберегать, как собственную честь,
Пока меня не разлучили с жизнью.

Джучи.

Отдай мои доспехи багатуру –
Бату.
(Снимает и подает Бектумыш шлем.)
Прощай, заговоренный шлем!
Пусть первенца оберегают духи,
Пусть будет он счастливее отца.
(Подает Бектумыш лук и колчан со стрелами.)
Удачи полон кожаный колчан.
Придет пора, стрела родного сына
Взлетит над степью с клекотом орлиным
И разобьет любую из преград!
(Подает Бектумыш пику.)
Опорой сыну стань, стальная пика,
Испытанная в множестве сражений!
(Снимает меч, вместе с поясом подает его жене.)

Простимся, золоченая застежка,
Стальная пряжка:
Если мой наследник
Перед грядущим будет безоружен –
Беду и горе повстречает сын!

(Снимает кольчугу, подает жене.)
Стальная пятислойная кольчуга,
Тебя в упор не пробивали стрелы,
Перед тобою слабла вражья сила,
Но больше мне не надевать тебя!
...Со временем защитою народа
В моих доспехах станет мой Бату.
Далай каган оледенил мне душу,
Ее теперь не отогреть вовеки
Ни божеским теплом,
Ни сладким жиром.

(Борте-ханум.)

Прощай! Иду в последний свой поход.
Не оправдал святое молоко,
Вскормившее меня,
Юлил – напрасно, лицемерил – зря:
Я у кагана ныне не в чести.
Что остается? Ждать свою судьбину!
(Бектумыш.)
Прощай, моя достойная жена!

Борте-ханум *(рыдая).*

Что с вами случилось? Жалости не зная,
Любой из вас бредет по белу свету,
Считая другом собственную тень.
Неужто вас совсем оставил разум?!

Бектумыш *(глядя вслед мужу, извлекает из складок одежды кинжал).*

Пусть на меня падет проклятье, если
Не окажусь достойною женой!
(Обращается к кинжалу.)
Пусть на тебя падет проклятье, если
Не защитишь достоинство мое!
(Борте-ханум и Бектумыш исчезают во мраке. Одинокого Джучи окружают нояны. Тишину разрывает голос Чингисхана.)

Голос Чингисхана.

Из-под твоей руки уходит этот
Заносчивый подкидыш, Тэмуджин!
Выходит, Тэмуджин, пришла пора
Расплав свинца залить меркиту в глотку!

Голос Джучи.

Стремилась стать народом багатуров –
И стали им! Но покидает разум
Воителей, подобно духу смерти,
Неутомимо топчущих простор.
Как станем мы, жестокие, народом,
Достойным поклонения и славы,
Когда за нами вслед струятся реки
Сиротских слез
И горьких вдовьих слез?!

Голос Чингисхана.

Не мучайте! Не проливайте кровь!
(Субэдей, Кублай, Зилмая и Джебе разом бросаются на Джучи, по-монгольски ломают ему хребет.)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

*Орда Чингисхана. Зная, что вот-вот будет
умертвлен его первенец, каган не находит
себе места. Застыли, обнажив мечи,
часовые Орды.*

*Кобыз Кетбугы-жырау, ослепленного
певца, поет о беспримерной жестокости
властелина. Волоча траурный туг Джучи,
входят нояны и сыновья Чингисхана.*

Чингисхан (*отшатнувшись при виде
туга*).

Кто принесет погибельную весть –
Мгновенно захлебнется серебром
Расплавленным... Ступайте прочь!
(*Кетбугы-жырау все громче играет на
кобызе.*)

Певец! Не бери мне душу. Отчего
Рыдают растревоженные струны,
Крадут покой и сердце рвут на части?!

Кетбугы-жырау (*прерывая игру*).
Морям, что взбаламучены в середине,
Кто возвратит лазурь и чистоту?
Срубив под корень дерево лесное,
Кто воскресит убитый карагач?

Чингисхан.
Морям, что взбаламучены в середине,
Джучи вернет былую синеву.
И карагач, подрубленный под корень, –
Сумеет к жизни возвратить Джучи!
...Подобно змеям, выползшим из нор,
Из глаз твоих, слепец, струятся слезы.
Как наказание, посланное Небом,
Пугает сердце стон твоей струны.
Не верю в гибель первенца Джучи!

Кетбугы-жырау.
Мне следует безмолвствовать,
Поскольку
Заговорил Чингис, далай каган.
Что ты содеял? Твой приказ – стрела,
Твою же грудь пронзившая навьлет!

Чингисхан.
Подобно горемычному кулану,
Утратил я любимое дитя!

Навек лишившись сына-багатура,
Рыдаю я – осиротевший лебедь!
(*Рыдает. Появляется Борте-ханум и Бекту-
мыш, оплакивающие Джучи. Собирается,
ширится, подобно темной туче, толпа.*)

Борте-ханум.

Что с вами случилось?! Бродите по свету,
Считая другом собственную тень, –
Неужто вас совсем оставил разум?
Мое дитя, ты с кем затеял спор?
Отец-каган еще в далеком детстве
Бектура-брата умертвил за то,
Что отнял птицу брат девятилетний!
С ладонью, до краев налитой кровью,
Он родился,
И с той поры кинжал
Из рук не выпускал ни на мгновенье –
Кровь человеческую льет неумоимо,
Людскими умывается слезами,
Взирает даже на своих детей,
Томясь неистребимой жаждой крови!
Как можно спорить
С бешеным отцом?!

Бектумыш.

Неужто ты простился с этим миром,
Исполненным обиды и коварства?
Неужто ты покинул степь родную –
Бескрайнюю, немерянную степь?
О, мой Джучи, хозяин мой, ужели
Ты распростился со своим народом?
Гляди, зашлись в мучительном рыданье
Сплоченные тобою племена!
Осиротели без тебя Орда
И гордый туг, подобный конской гриве.
Осиротели боевые трубы,
И сиротами стали острова –
Херлен, Ходе!
Не избежать сиротства
Ни песням, при предгорьям, ни воде!

Чингисхан.

Жа! Я утратил вызов боевой,
Которым укреплялся дух монголов!
Сын-сокол! От него мои враги,
Бывало, не могли найти спасенья!

(Кетбугы-жырау.)

Родившийся от семени чужого
Сын-сокол может ли считаться ровней
Моим сынам?.. Что скажешь, Кетбугы?

Кетбугы-жырау.

Когда не о себе, а о народе
Сын-сокол помышляет ежечасно –
Он выше, выше сыновей родных.
Крепись, каган, не уступай печали!
Родившийся от сокола – не хуже
Тех сыновей, что зачаты тобой!

Чингисхан *(себе).*

Выходит, сам отсек свои крыла,
Своей рукой сломал себе хребет
И перерезал собственные вены?!
(Кетбугы-жырау)
...Есть, Кетбугы, лекарство от болезни,
Что мной порождена?

Кетбугы-жырау.

Крепись, каган!
Нет на земле лекарства от болезни,
Которая тобой порождена.

Чингисхан.

На небе – бог! В подлунном мире – я!
Но должно ли, скажи, искать лекарство
От хвори, если хворь неизлечима?

Кетбугы-жырау.

Крепись, каган, не уступай печали!
Ты неподвластен: все в твоих руках.

Чингисхан *(себе).*

О, если бы, певец, твои слова
Повергли наземь черный туг злосчастья!
Тот, кто отравлен, жаждет меду, меду...
*(Идет к Бектумыш, одетой в траурную
одежду)*

Похоже, что отыщется лекарство
И для меня, когда поможет Небо.
(Озирается.)

Что, траурное сборище? Вороны,
Вон из Орды! Я остаюсь один.
На небе – бог! В подлунном мире – я!
(Собравшиеся покидают Орду.)
Ступайте прочь!

*(Обращается к Бектумыш, которая едва
стоит на ногах.)*

Останься, Бектумыш.
Израненная, бедная душа,
Послушай вместе со своим каганом,
Что смертному повелевает Небо.
(Кричит замешкавшейся Борте-ханум.)
Ступай отсюда!
*(Удостоверившись, что в Орде только он
и Бектумыш, каган снимает пояс, вешает
на шею четки, в молитвенном смиреннии
поднимает руку.)*

Помоги мне, Небо!

Благослови, кормилица Земля!
Ужели опустеет место сына?
Пусть явится на свет иной наследник,
Не то монголы скажут, что Чингис
Бесплодным стал.
Храни посланца, Небо!
Не покидай, кормилица Земля!
Владыка Неба, где твой грозный голос?

Владыка Неба.

(Голосом Есуй-ханум)
Великий мой посланец на Земле,
И Небо в горе от твоей утраты!
Чужое семя – первенец Джучи –
Грозился так на берегу Онона:
«Отрава успокоит старика,
Который степи заливаает кровью,
А человека превращает в зверя!»
Чтоб отрезвить надменного Джучи,
Я молнией его ударил с неба –
Я погасил великий твой огонь,
Тебя уверив, что погасло пламя!
(Хохочет.)

Чингисхан.

Владыка Неба! Значит, мертв Джучи?

Владыка Неба.

Великий мой посланец на Земле,
Мертв твой Джучи!

Чингисхан *(в отчаянии).*

Что я услышал, Небо!
Погиб Джучи –

Мертво, выходит, войско!
 Погибло войско –
 Значит, мертв Чингис!
 Погиб Чингис – конец всему Востоку!

Владыка Неба.

Великий мой посланец на Земле,
 Чингис живет, и, стало быть, не надо
 До времени оплакивать Восток.

Чингисхан.

Владыка Неба! Если жив Чингис,
 Как сохранить цветение Востока?

Владыка Неба.

Я для того и умертвил Джучи,
 Чтоб ты, Чингис, владел женой меркита.
(Бектумыш отшатывается в ужасе.)
 Знай, Бектумыш – она орешек крепкий,
 Ей равных не сыскать среди монголоков.
 Но где Чингису ровня на Земле?

Чингисхан.

Я слушаю тебя, Владыка Неба!

Владыка Неба.

Скажу: ты сам, великий мой посланец,
 Бранил своих драчливых сыновей
 И говорил: «Таким обвей травую –
 Жевать не станет тощая корова,
 Промасленной лепешкой оберни –
 Не станет жрать голодная собака!»
 Так, проклиная собственное семя,
 Ты говорил, каган, о сыновьях.
 Великий мой посланец! Без причины
 На озеро твое не сядет лебедь.
 Такие, как Чингис и Бектумыш,
 На свет приходят раз в тысячелетье.
 Наследника, достойного каганства,
 Родит она, и, выношенный ею,
 В грядущем станет кличем боевым!
 Появится наследник – жив Чингис,
 Живет Чингис –
 Восток не знает смерти.

Чингисхан.

Я слушаю тебя, Владыка Неба!

Владыка Неба.

Единственный! Ты волен сделать раем
 Все, что вокруг.
 Кто возразит кагану,
 Покуда власть еще в твоих руках?
(Хохочет.)

Чингисхан *(себе)*.

Итак, нашлось лекарство от болезни.
 Однако, Небо губит человека
 Во мне,
 Но где иной отыщешь выход?
 Вонзилась в сердце черная стрела!
(Обращается к Бектумыш.)
 Людская голова – всего лишь мяч
 Для божества, взирающего свыше.
 Коль слышала, что повелело Небо,
 То поступай, как суждено жене.
 Наследника, достойного каганства,
 Родишь на свет, и станет багатур
 Победным кличем для всего народа.
 О, Бектумыш, не убивай живого:
 Появится наследник – жив Чингис,
 Живет Чингис –
 Восток не знает смерти!
(Идет к Бектумыш.)

Бектумыш *(отступая)*.

Приди в себя! Опомнись, мой каган,
 Отыщется достойнейший наследник!

Чингисхан.

Ты слышала, что повелело Небо?

Бектумыш.

Опомнись! Есть достойный багатур,
 Который станет кличем боевым.
 И за собою поведет монголов.

Чингисхан.

Склонись перед судьбою, Бектумыш,
 И поступай, как женщине присуще!
(Прижимает Бектумыш к груди.)

Бектумыш *(задыхаясь)*.

Опомнись!
 Образумься, мой каган!

Чингисхан.

Душа моя, дай мне достигнуть цели!

Бектумыш *(выхватывая кинжал).*

Пусть на меня падет проклятье, если

Нарушу клятву, данную Джучи!

(Чингисхан падает.)

Чингисхан *(с трудом приподнимая голову).*

О, Небо! Отвернулась красота

От твоего великого посланца...

Эй, часовой!

(Входит часовой)

Убить ее! И пусть

Никто не видит брошенное тело...

Бектумыш.

Ты можешь быть спокоен, мой Джучи:

Наш дух восторжествует над могилой!

(Появляются няня и сыновья далай кагана.)

Джебе.

Что это, повелитель? Неужели –

Беда для тех, кто шел тебе вослед?!

Субэдей.

Глазам не верю! Разве мой Чингис

Со смертью обнялся?.. Взойди на трон!

Чингисхан *(едва передвигая ноги).*

Не знаю... Если я и Чингисхан,

То для тебя, Джебе. И для него!

Для всей Земли бескрайней –

Чингисхан!

Я не склонялся даже перед Небом,

Но я не стал великим Чингисханом

Для женщины – и в том моя вина!

Душа болит... Смертельна мука!

(Видя, что отцу не жить, к трону устремляется Чагатай, но Туле и Джебе преграждают ему путь. Воспользовавшись суматохой, на трон садится Угедей.)

Угедей.

Жа!

(Все замирают. Угедей указывает на отца, а затем опускает палец.)

Не мучайте! Не проливайте кровь!

(Субэдей, Кублай, Зилмая и Джебе бросаются на Чингисхана и по-монгольски ломают ему хребет.)

Иран-Гайып (Иранбек Оразбаев), поэт, драматург. Родился в 1947 году в Сырдарьинском районе Кызылординской области. Окончил горный факультет Казахского политехнического института и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Автор более десяти поэтических сборников, 13-томного собрания сочинений и вышедших на русском языке книг «Глаза ночи», «Царь слова» и «Наследник». За книгу стихов и поэм «Заключение Коркута» удостоен Государственной премии Республики Казахстан.